

Эпизоды изъ обороны Портъ-Артура.

Штурмъ.

1¹).

Шесть дней шла бомбардировка. Небольшое бетонное укрѣпленіе шаговъ 150 въ ширину и столько же въ длину долбилось безконечно и жестоко нѣсколькими десятками тяжелыхъ орудій. Четыре японскія 11-дюймовыя батареи непрерывно швыряли свои бомбы на фортъ. Громадные пятнадцатипудовые снаряды съ тяжелымъ зловѣщимъ гудѣніемъ неслись съ разныхъ сторонъ, падали и разрывались съ невѣроятной силой.

Отъ этихъ разрывовъ дрожала земля, и у людей наступало нѣсколько мгновений оцѣпенѣнія. Въ придачу къ этимъ изумительнымъ бомбамъ посылали снаряды меньшія орудія. Ихъ было 24 тяжелыхъ осадныхъ пушки съ пудовыми бомбами, равнявшимися съ чернымъ удушливымъ дымомъ. Полевые орудія рвали надъ головами шрапнель, а деревянными мортирами кидали десятками фунтовъ пироксилина.

Съ сосѣднихъ укрѣпленій эти шесть дней не видѣли форта. Въмѣсто него стояло густое, черное облако дыма, какъ на громадномъ пожарѣ, и лишь языки пламени прорѣзывали эту клубящуюся массу.

На фортѣ сидѣли обреченные люди. Они забились во всѣ самые

¹) См. „Русская Старина“ январь 1913 г.

затаенные уголки, въ блиндажи, казематы, сидѣли, съжившись и сгорбившись, въ каждой ямкѣ. Но ночамъ выносили мертвыхъ и умирающихъ, а на смѣну имъ приходили новыя партіи. Съ тревожными безпокойными глазами, нервно оглядываясь и вздрагивая отъ грохота, входили эти новички на страшный фортъ.

Черезъ шесть дней японцы рѣшили, что довольно. Имъ, какъ и всякому постороннему наблюдателю, казалось несомнѣннымъ, что въ этомъ облакѣ чернаго дыма, на этомъ страшномъ пожарѣ живыхъ людей быть не можетъ. Десятки тысячъ снарядовъ должны были уничтожить этотъ кусокъ, несчастныя 50 × 50 сажень за шесть дней непрерывнаго долбленія. Оставалось лишь занять пустое мѣсто такъ же спокойно и равнодушно, какъ они разстрѣливали до сихъ поръ этого беззащитнаго врага.

Въ длинныхъ параллельныхъ траншеяхъ скопились готовыя для исполненія этой задачи японскія роты. Передовыя находились передъ рвомъ форта, имѣя въ рукахъ лѣстницы, ручныя бомбочки и запасы патроновъ. Ихъ штабы дѣятельно работали, рассылая приказанія, подготавливая послѣдній рѣшительный и вѣрный ударъ.

А на небольшомъ фортѣ сидѣли, забившись, отупѣлые голодные люди, и лишь нѣсколько рѣшительныхъ офицеровъ сохраняли, хотя и взволнованные, наружное спокойствіе. Телефонъ давно уже былъ оборванъ и этотъ искалѣченный фортъ былъ предоставленъ самому себѣ, въ надеждѣ на нѣсколькихъ удалцовъ, которые удержатъ эту измученную, оцѣпенѣвшую массу.

II.

Маленькій коренастый матросъ въ сбитой на затылокъ фуражкѣ, весь сгорбившись, сидѣлъ верхомъ на пулеметномъ сидѣніи и непрерывно палилъ. Холщевая лента съ патронами, грязная и засоренная, съ трудомъ проходила и отъ времени до времени застрѣвала. Его помощникъ, бородатый солдатъ изъ запасныхъ, управлялъ тогда ленту, возился съ механизмомъ, и трескотня шла дальше.

Вправо и влѣво отъ пулемета лежали кучками солдаты и тоже палили. Они хватали цѣлые цинковые ящики съ патронами, неловкими суетливыми движеніями раскрывали ихъ и сыпали патроны въ полы шинели, въ сумки, либо просто на землю. Стрѣльба шла по люнету, сосѣднему нашему укрѣпленію, на которомъ развѣвались флаги съ ненавистнымъ изображеніемъ восходящаго солнца. Шагахъ въ 150 можно было различить невысокій валикъ укрѣп-

ленія, накиданныя кучи мѣшковъ съ землей и кое-гдѣ высовывающіеся желтые околыши японскихъ фуражекъ.

Все неровное поле непрерывно покрывалось дымками рвущихся снарядовъ, а за укрѣпленіями къ сторонѣ нашихъ резервовъ лопались со свистомъ шрапнели.

Лѣвѣе пулемета подымалось одноэтажное бетонное зданіе, за которымъ находился главный дворикъ форта. Чтобы попасть туда, надо было пройти сквозь бетонное зданіе, для чего тамъ имѣлись сквозныя ворота.

Стрѣлявшимъ не было видно, что дѣлается на главномъ дворикѣ форта, но имъ было извѣстно, что тамъ идетъ штурмъ.

Всего нѣсколько минутъ тому назадъ по фортѣ пронесся тревожный говоръ:

— Японцы на люнетѣ!

И молчаливый, пустынный фортъ закипѣлъ той страшной, взволнованной, суетливой жизнью, которая овладѣваетъ въ опасныя минуты встревоженными людскими массами. Изъ всѣхъ потаенныхъ уголковъ, изъ блиндажей, казематовъ, изъ каждой норки выскакивали люди, хватавшіе дрожащими руками винтовки, патроны и неровными, спотыкающимися шагами бѣжали къ валамъ на свои мѣста.

Изъ офицерскаго каземата кучей вылетѣли комендантъ и кучка офицеровъ и вѣеромъ разбѣжались въ разныя стороны. Я направился по заранѣ сдѣланному распisanію на задній дворикъ форта для обстрѣливанія люнета.

Уже минутъ пять шло обстрѣливаніе люнета, но японскіе флаги продолжали упорно развѣваться на укрѣпленіи. Волненіе среди солдатъ нѣсколько улеглось, суетливая бѣготня прекратилась. Методически стрѣляли люди, опустошая цѣлые ящики патроновъ вмѣстѣ съ неустаннымъ пулеметомъ.

Вдругъ какая-то волна людей едва не сшибла меня съ ногъ. Цѣлыя толпы солдатъ появились изъ воротъ, ведущихъ съ главнаго дворика форта, и, опрокидывая всѣхъ встрѣчающихся на пути, стремглавъ летѣли на мостикъ. Толкая другъ друга на мостикѣ, они съ трудомъ протискивались и уходили съ форта.

Эта страшная картина бѣгущихъ людей, бородатыхъ, полуразстегнутыхъ, безъ ружей, съ полоумными глазами сразу нагнала ужасъ на моихъ стрѣлявшихъ солдатъ. Вотъ одинъ бросилъ винтовку, вскочилъ и мигомъ исчезъ въ толпѣ бѣгущихъ. За нимъ другой... третій... И черезъ нѣсколько секундъ лишь одинъ матросъ-пулеметчикъ да десятокъ солдатъ продолжали поддерживать стрѣльбу.

Тщетно я и два унтеръ-офицера, растопыривъ руки, не пускали людей на мостикъ. Солдаты проскальзывали подъ руками, отталкивали унтеръ-офицеровъ, съ угрожающимъ видомъ замахивались штыками и прикладами, и людской потокъ безудержно перекатывался черезъ мостикъ.

Еще моментъ, и гибель форта казалось неизбежной. Но гдѣ же комендантъ? Гдѣ другіе офицеры?...

Я еще не зналъ, что комендантъ съ перебитыми пулеметомъ ногами доживаетъ послѣднія минуты на солдатской койкѣ въ подвальному казематѣ. Не зналъ такъ же я, что всѣ офицеры перебиты. И я бросился ихъ искать на главномъ дворикѣ форта, откуда бѣжали люди.

Едва я вскочилъ въ сводчатые ворота форта, какъ ко мнѣ подбѣжалъ артиллерійскій фейерверкеръ съ окровавленной головой:

— Ваше благородіе, фортъ заняли японцы...

— А гдѣ же комендантъ? Гдѣ офицеры?..

— Всѣ перебиты... дочиста всѣ...

При этомъ онъ пытался, какъ остальные, юркнуть съ форта. Но я его держалъ крѣпко за руку и продолжалъ допрашивать:

— Ты видѣлъ?.. Самъ видѣлъ?..

Фейерверкеръ клялся и божился, но я по опыту зналъ, что значать эти рассказы въ устахъ солдатъ, объятыхъ паникой.

Хотя я былъ уже въ воротахъ, но главный дворикъ форта мнѣ не былъ виденъ: выходъ на него закрывался заслономъ изъ мѣшковъ, чтобы снаряды не попадали въ ворота. Налѣво отъ меня была дверь въ офицерскій казематъ, направо—дверь въ кухню и далѣе въ капониръ.

Положеніе было критическое. Фортъ погибалъ, а людей не было. Въ воротахъ было пусто, и потокъ людей прекратился.

Не отдавая себѣ яснаго отчета, я вбѣжалъ въ кухню. Длинный, темный казематъ-кухня казался пустымъ. Но еще десятокъ, другой шаговъ, и я увидѣлъ знакомыя сидячія фигуры забившихся солдатъ.

Я понялъ, что здѣсь есть люди. Я понялъ, что сюда забилась въ паникѣ часть людского потока. Эти потерявшіе сознание бѣглецы въ своемъ страшномъ психологическомъ нетерпѣніи спрятались, уйти отъ ужаса бомбъ, разрывовъ, пуль, штыковъ забѣжали въ первое укрытое мѣсто, не отдавая себѣ отчета, что это ловушка. Въ ихъ оцѣпенѣвшемъ мозгу не шевельнулась простая мысль, что изъ каземата одинъ выходъ,—это въ ворота и, если японцы займутъ фортъ, то этого выхода не будетъ.

И не зная, какъ поднять этихъ ошалѣвшихъ людей, я въ эту крайнюю минуту, въ страшномъ напряженіи, употребилъ рѣшительный пріемъ:

— Японцы на фортѣ... сейчасъ будутъ въ воротахъ!..

Сѣкунда молчанія, и вдругъ люди, какъ подтолкнутые какой-то внезапной силой, вскочили и побѣжали. Бѣжалъ и я впереди всѣхъ, прислушиваясь съ надеждой къ гулкому топоту, раздававшемуся сзади меня.

По кухнѣ надо было пробѣжать шаговъ тридцать—сорокъ. Тогда мы выскакивали въ ворота, и налѣво дорога вела на мостикъ, вонъ съ форта, а направо былъ выходъ на фортъ.

Мы бѣжали по кухнѣ, вѣроятно, секундъ пятнадцать—двадцать. Но вотъ и ворота... Куда?.. Направо или налѣво?..

Эта мысль мелькнула, какъ лучъ, какъ зигзагъ молніи... Я бросился направо и всѣ люди, какъ одинъ, за мной. Мы бѣжали на фортъ. Не съ форта, а на фортъ, на японцевъ, на то самое страшное мѣсто, откуда эти люди убѣжали съ ужасомъ, въ невѣроятной паникѣ, не будучи въ состояніи сдержать себя...

Впослѣдствіи, отдавая себѣ отчетъ во всемъ происшедшемъ, я долго не могъ понять, въ чемъ было дѣло, почему объятые страхомъ люди бросились не съ форта, а на фортъ. И, только спустя нѣкоторое время, мнѣ стало понятно это странное движеніе массы.

У нашихъ солдатъ есть привычка въ минуту растерянности ждать указанія. Ждать толчка, куда идти, что дѣлать. Этотъ первый толчекъ рѣшаетъ все и потомъ ихъ ужъ не удержать.

Люди несомнѣнно бѣжали, имѣя одну мысль—уйти отъ японцевъ, уйти со страшнаго форта. Но, когда я повернулъ направо, ихъ оцѣпенѣвшее сознаніе не разобрало смысла этого движенія. Офицеръ прибѣжалъ ихъ спасать, первый крикнулъ:—„японцы“. Они естественно пошли за нимъ. Предварительно было шаговъ тридцать разбѣга. Люди бѣжали толпой, топоча, какъ стадо, офицеръ впереди. Офицеръ повернулъ, и они, съ разгону, ничего не соображая, дернулись за нимъ. Быть можетъ, кому-либо и показалось это страннымъ, но думать было некогда. А повернулъ одинъ, другой, и за нимъ всѣ.

Итакъ мы выскочили на фортъ.

Десятка три-четыре японцевъ торчали около нашихъ пушекъ. Смуглыя лица, желтыя фуражки... Главная масса ихъ на валу. Лежать, держа ружья наготовѣ.

Наши солдаты, увидѣвъ неожиданно врага, остолебенѣли. Нѣсколько секундъ остановки. Впередъ или назадъ?.. Неужели назадъ...

Низенькій японскій офицеръ вскочилъ въ лежавшей толпѣ и, потрясая саблей, соскочилъ съ вала на дворикъ форта.

Этого движенія было достаточно.

Какъ одинъ человекъ, наши солдаты бросились впередъ, едва не сбивъ меня съ ногъ. Точно озвѣрѣли... Съ гикомъ и крикомъ пролетѣли они безудержно шаговъ тридцать, отдѣлявшіе ихъ отъ японцевъ, и точно вонзились въ врага.

Какъ калейдоскопъ, замелькала передо мной картина рукопашной схватки. Штыки, приклады, фигуры обхватившихъ другъ друга людей... Какъ ужасный сонъ, проносилась эта картина передъ глазами.

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и перевелъ глаза на валъ: тамъ было пусто. Очевидно, неожиданнаго появленія нашихъ солдатъ, ихъ бѣшенаго порыва было достаточно, чтобы врагъ не выдержалъ. Остались лишь самыя упорныя, и съ ними шла ожесточенная бойня.

Я продолжалъ стоять, озираясь кругомъ. Жестокій эпизодъ привлекъ мое вниманіе.

Японскій офицеръ, маленькій, разъяренный, весь подпрыгивая, какъ мячикъ, налетѣлъ на нашего артиллериста. Я зналъ этого солдата. Высокій, бѣлобрысый съ робкимъ, молодымъ лицомъ... Неуклюже ткнулъ онъ мимо японца непривычную винтовку, и сильный ударъ саблей по рукъ заставилъ его присѣсть. Я бросился къ нему, но новый ударъ саблей по головѣ, и солдатъ повалился съ расколотымъ черепомъ. И въ это время появившійся откуда-то матросикъ ткнулъ штыкомъ въ спину офицера. Японецъ упалъ, а матросъ вмѣсто того, чтобы вынуть штыкъ, продолжалъ ковырять имъ въ извивающемся тѣлѣ врага.

— Брось, брось,—крикнулъ я, и вдругъ неожиданный толчекъ ошеломилъ меня. Я оглянулся. Коренастый японскій солдатъ, безъ фуражки, съ кровавымъ пятномъ на лицѣ отскочилъ отъ меня и припалъ на одно колѣно.

Я былъ въ лѣтнемъ пальто съ шашкой черезъ плечо. Когда крикнули „штурмъ“, я схватилъ со стола свой ногановскій револьверъ и второпяхъ сунулъ его въ лѣвый карманъ пальто.

И вотъ теперь, столкнувшись съ японцемъ, я торопливымъ движеніемъ полѣзъ въ карманъ и сталъ вытаскивать этотъ неуклюжій, большой револьверъ. Конечно, онъ въ такую минуту за что-то зацѣпился и не вылѣзалъ. А японецъ, стоя на одномъ колѣнѣ, быстро заряжалъ винтовку. Еще одно усиліе и, оборвавъ что-то около кармана, я вытащилъ свое громоздкое оружіе. Японецъ, приложивъ голову къ прикладу, цѣлился въ меня въ трехъ шагахъ.

Я выстрѣлилъ, и вдругъ рѣзкій толчекъ, точно кто-то ткнулъ въ меня съ размаху чѣмъ-то широкимъ и тяжелымъ. Ударъ былъ сильный, и я не могъ устоять на ногахъ. Взмахнувъ руками, я грохнулся на спину. Въ глазахъ потемнѣло, и лишь маленькій кусочекъ неба смотрѣлъ на меня.

Два солдата осторожно подняли меня и понесли на рукахъ. Спотыкаясь о раскиданные трупы, обломки бетона, съ трудомъ волокли они меня по двору. До офицерскаго каземата было далеко и меня понесли въ подвальный этажъ каземата.

Въ темномъ сводчатомъ помѣщеніи было биткомъ набито ранеными. Въ воздухѣ стоялъ шумный бурливый говоръ и разносились тяжелые протяжные стоны. Фельдшеръ быстро и неаккуратно перевязывалъ раненыхъ, тратя на каждого едва минуту. Нѣкоторые перевязывали себя сами марлей изъ индивидуальныхъ пакетовъ. Осторожно, съ нѣкоторымъ даже уваженіемъ разматывали они длинные свернутые бинты, обворачивая себѣ ноги и руки. На нарахъ лежали тяжелые и умирающіе.

Мои носильщики положили меня на нару около печки. Рядомъ со мной лежалъ какой-то закрытый шинелью раненый. Почувствовавъ прикосновеніе моего тѣла, онъ спросилъ глухимъ сердитымъ голосомъ:

— Ну, кого еще тамъ принесли?

По голосу я узналъ коменданта.

— Это я, Николай Семеновичъ...

— А, Вы... И Васъхватило...

Онъ помолчалъ и тяжелымъ тоскливымъ шопотомъ произнесъ:

— А я умираю...

Мнѣ было трудно говорить, и я лишь съ трудомъ спросилъ:

— Куда Васъ?..

Онъ прошепталъ еще тише:

— Умираю...

Ко мнѣ подошелъ фельдшеръ. Наклонившись надо мной и обдавая меня крѣпкимъ виннымъ запахомъ, онъ разстегивалъ меня и приговаривалъ:

— Ничего, живы будете... до свадьбы заживетъ...

И наконецъ сердито спросилъ:

— Куда же вы ранены?..

Я показалъ на животъ.

— Ага, вижу,—сказалъ онъ, наткнувшись наконецъ на рану.

Съ лѣвой стороны живота подъ окровавленной рубашкой оказалось небольшое пулевое отверстіе.

— До свадьбы заживетъ,—бормоталъ полупьяный фельдшеръ, обматывая меня бинтомъ,—заживетъ, попируемъ еще...

Я посмотрѣлъ на свою повязку: сквозь нее медленно просачивалась кровь.

Фельдшеръ тоже смотрѣлъ на покраснѣвшій бинтъ и съ недоумѣніемъ спрашивалъ:

— Что за притча?...

— Дай свой пакетъ,—обратился онъ къ проходившему солдату. Солдатъ вытащилъ изъ кармана грязный пакетикъ и сталъ зубами его надрывать.

— Да давай же скорѣй,—сердито крикнулъ фельдшеръ и принялся снова меня обматывать.

Но и эта повязка покрылась кровью. Впослѣдствіи оказалось, что пьяный фельдшеръ нашелъ только одно входное отверстіе на животѣ и не подумалъ искать выходное отверстіе, бывшее на поясицѣ. Оттуда и просачивалась кровь.

Сорвавъ съ нары грязную простыню, фельдшеръ нервнымъ движеніемъ обвернулъ ее вокругъ меня. И, какъ на зло, черезъ нѣсколько секундъ на простыни стали выступать цятна крови.

Фельдшеръ пожалъ плечами:

— Противорѣчить медицинской наукѣ... сверхъ-естественно-магическое явленіе...

И пошелъ перевязывать другихъ раненыхъ. Ихъ было много, терпѣливо ждавшихъ милостиваго вниманія пьянаго эскулапа. Среди нихъ тоже попадались веселенькія фізіономіи. За рѣдкими исключеніями и уцѣлѣвшіе солдаты были „въ градусѣ“.

Воспользовавшись тѣмъ, что всѣ офицеры перебиты, они опустошили наши запасы водки, коньяку и вина, и теперь нетрезвые, шатающіеся, безъ офицеровъ они представляли легкую добычу для непріятеля. Но жестоко побитые японцы не рискнули сунуться во второй разъ, хотя нѣсколько часовъ до прибытія резерва фортъ былъ совершенно беззащитенъ.

Мой сосѣдъ по койкѣ, комендантъ, лежалъ мрачно и неподвижно. Значительно обезсилѣвъ, лежалъ безпамятно и я, чувствуя, какъ кровь течетъ по ногамъ, набирается въ рейтузы и сапоги. Но сознаніе не покидало меня ни на минуту.

Въ казематѣ было темно, душно и грязно. Какой-то пьяненькій раненый съ перевязанной рукой сѣлъ прямо на меня, придавивъ простыню къ ранѣ.

— А?— съ удивленіемъ промычалъ онъ, когда я кое-какъ зашевелился,—баринъ, его благородіе...

Неловко передвигаясь, онъ сползъ съ меня.

Вся эта обстановка крайне тяжело дѣйствовала. Страшно хотѣлось воздуха, свѣта. Нервы ослабли, и я едва удерживался, чтобы не заплакать.

Нѣсколько разъ я пытался остановить проходившихъ солдатъ и приказать себя понести на верхъ. Но они не слышали моего негромкаго голоса...

Часа черезъ два меня отыскалъ одинъ изъ уцѣлѣвшихъ артиллеристовъ. Изъ его разсказа я узналъ, что изъ гарнизона въ 400 человекъ осталось едва 80—90, да и тѣ пьяны. Пошли за резервомъ. Начальниковъ нѣтъ, у орудій ни одного солдата.

Я ему приказалъ понести себя наверхъ. Взваливъ меня на плечи, онъ съ трудомъ пошелъ среди валяющихся на землѣ раненыхъ. Я его обхватилъ руками за шею, а онъ поддерживалъ меня попеременно то правой, то лѣвой рукой.

Рана при этомъ путешествіи причиняла большія страданія. Внутри живота прямо точно что-то горѣло. А солдатъ спотыкался на каждомъ шагу, тащилъ меня съ усиленіемъ по лѣсенкѣ, по двору форта, наталкивались на раскиданные трупы, обломки бетона, осколки снарядовъ.

Это мучительное путешествіе длилось необыкновенно долго, но все же я былъ радъ, что я наконецъ наверху, что я вышелъ изъ-подъ земли.

Въ офицерскомъ казематѣ обѣ кровати были заняты: на каждой лежало по офицеру. Мой носильщикъ, измученный тяжелой ношей, не зная, куда меня дѣвать, положилъ меня на полъ между кроватями, съ чѣмъ я вполне примирился. Эта полугрязная комната съ тусклой керосиновой лампочкой показалась мнѣ въ эту минуту послѣ душнаго подвала симпатичнымъ, уютнымъ уголкомъ.

Но скоро я убѣдился, что мое ложе не такъ удобно. Офицерская комната была проходная между канцеляріей и кухней. Въ обычное время солдаты обходили кругомъ, а сейчасъ шмыгали прямо черезъ комнату, спотыкаясь объ меня.

Я всмотрѣлся въ лежащихъ на кроватяхъ офицеровъ и назвалъ ихъ по имени. Ни одинъ не отвѣчалъ.

— Эге,—подумалъ я,—да живы ли они...

Я схватилъ за ногу переступавшаго черезъ меня бородача, и тотъ нагнулся надо мной:

— Баринъ?... Чего Вы здѣсь лежите, ваше благородіе?...

Онъ схватилъ за ногу лежащаго на кровати офицера и потянулъ его. Медленно сползло тѣло съ кровати и грохнулось о полъ. Голова офицера нѣсколько разъ подпрыгнула, и снова все тѣло неподвижно застыло. Офицеръ былъ мертвъ.

Бородачъ поднялъ меня и уложилъ на его мѣсто. Стало покойнѣе, только рана болѣла, да сапоги и штаны, полные крови, давали неприятное ощущеніе.

Я вспомнилъ, какъ ранили этого офицера. Онъ прибѣжалъ въ офицерскую комнату и сказалъ, что ему плохо, что вблизи его разорвалась ручная японская бомбочка. Мы его раздѣли и начали осматривать. Никакихъ слѣдовъ крови, только большой сивякъ на боку. Неужели онъ отъ него умеръ?

Лишь потомъ я узналъ, что газами его контузило въ бокъ и разбило печень.

Другой офицеръ, прапорщикъ З., былъ тоже мертвъ. Струйка крови на лбу показала мнѣ, гдѣ его смертельная рана.

III.

Я лежалъ до вечера. Выносить нельзя было, ибо мостикъ черезъ ровъ обстрѣливался пулеметами съ 80 шаговъ. Пронести можно только съ наступленіемъ темноты, когда, наконецъ, и начали выноску раненыхъ.

Мое раненіе меня волновало. Раны въ животъ считались очень тяжелыми, а между тѣмъ я весь день лежалъ почти безъ перевязки, такъ какъ, конечно, нельзя было считать повязкой бинтъ, наложенный лишь на одно отверстіе раны.

Съ наступленіемъ ночи понесли коменданта. Для него нашлись цѣлыя носилки, неразбитыя еще снарядомъ. Для остальныхъ носилки нужно было импровизировать.

Четыре солдатика положили меня на шинель и понесли. Положеніе было неудобное и мучительное. Я не лежалъ въ носилкахъ, а сидѣлъ, при чемъ колѣни упирались въ носъ. Солдаты неровно держали за концы, поминутно оступались и шли не въ ногу.

Когда меня проносили къ мостику, я увидѣлъ влѣво отъ себя общую могилу. Въ небольшую довольно глубокую яму было свалено около десятка труповъ въ различныхъ положеніяхъ: кверху ногами, бокомъ, стоямя. Эти искаженные лица, эти накиданные, какъ куча дровъ, трупы давали тяжелую картину, передъ которой блѣднѣютъ патентованные „ужасы войны“, выставляемые въ собраніяхъ картинъ на страхъ мирному обывателю.

До города было версты полторы. Дорога шла вначалѣ по длинной канавѣ съ валиками по бокамъ, предохранявшими проходящихъ отъ неприятельскихъ пуль. Утомительное путешествіе длилось необыкновенно долго. Встрѣчные люди заграждали путь, заставляли

носильщиковъ прижиматься къ стѣнамъ канавы, и все это отражалось на положеніи моего тѣла, принимавшаго самыя неудобныя позы.

По выходѣ изъ канавы носильщики положили на землю и усѣлись покурить. Надъ нами разстилалось темное небо, а по сторонамъ стояла совершенно непроглядная темень. Снаряды отъ времени до времени прорѣзывали огненной кривой горизонтъ. Въ разныхъ мѣстахъ поля, на пригоркахъ и сопкахъ ярко зажигались упавшія бомбы, разлетаясь красными огненными брызгами. Стучалъ пулеметь, и тоненькимъ звукомъ визжали пули, но на душѣ было покойно послѣ пережитыхъ тревогъ. Незамѣтно для себя я заснулъ, и только толчки принявшихся за меня носильщиковъ вывели меня изъ этого безмятежнаго состоянія.

Послѣ продолжительнаго и нелегкаго передвиженія съ десятками приваловъ съ раскуриваемыми цыгарками и болтовней, носильщики меня донесли, наконецъ, до перваго госпиталя. Стражъ, въ тулупѣ прохаживающійся у воротъ, рѣшительно заградилъ входъ.

— Сюда нельзя, — категорически заявилъ онъ, — не велѣно пущать, полно.

— Куда жъ намъ его дѣвать? — недоумѣвающе спросили носильщики, — нешто бросить здѣсь...

— Насъ не касается... тащи въ другой госпиталь.

Очевидно, предстояло весьма непріятное путешествіе по госпиталямъ.

Въ госпиталѣ Краснаго Креста другой стражъ встрѣтилъ насъ столь же недружелюбно, но мои солдатики извелись.

— Что жъ, положимъ его здѣсь... передъ воротами... можетъ, смилостивятся и возьмутъ, а намъ тащить больше некуда.

Эта перспектива встревожила сердитаго сторожа. Онъ сталъ уговаривать нести дальше, но мои носильщики были непреклонны.

— Некуда намъ его тащить... и такъ цѣльный день пролежалъ на форту... тамъ сколько хошь лежитъ покалѣченныхъ... его перваго принесли... извѣстно, баринъ... офицеръ... ну, а дальше тащить не станемъ.

И меня снова положили на холодную, сырую землю.

Новое сосѣдство, однако, весьма смутило моего стража, и онъ съ тяжелымъ вздохомъ пріоткрылъ ворота. Черезъ нѣсколько минутъ я лежалъ въ длинномъ ряду раненыхъ на полу пріемнаго покоя, ожидая очереди.

К. Шумскій.